

Элисон

Дыши. Дыши.

Открываю глаза. Надо мной полог листвы. Стайка птиц смотрит вниз, затем срывается с места.

Я выжила.

Возможно, он тоже.

Надо посмотреть. Босиком пробираюсь через обломки.

Где туфли? Какая разница. Повсюду куски скрученного металла. Одно крыло застряло в развилке ближайшего дерева. На ветвях раскинулся рулон туалетной бумаги. Кабина — вспоротая консервная банка, внутри видны два ряда сидений кремовой кожи. Подбираюсь ближе, заглядываю внутрь.

Он там, грудью на приборной панели.

— Эй? — Пугаюсь звука собственного голоса. — Слышишь меня?

Молчание. Шипит двигатель. Горючее толчками вытекает в траву.

Забираюсь в кабину, огибая зазубренные края. Он все еще держит в руке микрофон передатчика; проводок оборван. Легонько толкаю.

Тело приваливается к борту кабины.

У него нет лица.

Прочь. Прочь.

Меня рвет, затем я сажусь. *Сосредоточься.*

Вот факты: я одна. Я в горах. Самолет, в котором я летела, разбился. Тело у меня в синяках и порезах, на левой ноге рана, которая скоро воспалится, если ее не обработать. Мизинец на руке вывихнут или сломан

и быстро опухает. У меня очень мало пищи и воды. Солнце все еще высоко, но через несколько часов стемнеет, и мое единственное укрытие — искореженный металлический остов, который в любую минуту может взорваться.

Меня тошнит от страха. Хочется, дико хочется лечь на травянистый склон и сомкнуть тяжелые веки. Интересно, каково это — умереть. Качнешься, упадешь и уснешь? Пойдешь на свет или будет только тьма?

Стоп.

Я не хочу умирать. Мне нужен план.

Ты должна идти.

Голос у меня в голове упорен и настойчив.

Ты должна идти ты должна идти ты должна идти.

Останься в живых.

Моя дорожная сумка. На дереве. Тяну ее вниз. Не обращаю внимания на жгучую боль в плече. Лихорадочно роюсь в одежде, собранной для выходных в Чикаго. К чертям коктейльные платья, высоченные шпильки, воздушный бюстгальтер и две пары кружевного белья. Спортивный костюм. Слава богу, хоть что-то путное. Долой ситцевый сарафан, дурацкий лифчик и трусики. *Не думай о синяках, разукрасивших бедра. Не думай о рваных ранах на боках. Не думай о скрюченном мизинце и расползающейся по нему нехорошей синеве. Не думай о крови, заляпавшей белый сарафан, живот, ноги. Не думай.*

Шевелись. Натяни тренировочные леггинсы, спортивный бюстгальтер, носки, дармовую рекламную футболку.

Телефон. Надо найти мой телефон. Где он? Прочесываю район катастрофы. Пусто.

Шевелись. Шевелись. Флакон дорогих духов, бутылочки шампуня и кондиционера, очищающего масла,

мицеллярной воды, лосьонов для тела, лица, рук и век: вдребезги. Фен и плойка: вдребезги. Погоди. Шнуры. Вырви и сохрани. Пустой флакон из-под тоника, пудреница с зеркальцем, мини-баллончик лака для волос. Пригодится. Может быть. Отложи в сторону.

К чертям дезодорант, косметику, щетку для волос.

Бальзам для губ: в сумку, в карман на молнии.

Вес посильный. Теперь его сумка. Сквозь дыру в боквине проглядывает рукав сшитой на заказ рубашки. Запасная футболка. Гарвардский свитер: годится. *Не думай о том, что свитер пропитан его запахом.* Господи, он и правда пропитан его запахом.

Нужно идти.

Берем водонепроницаемую ветровку. Пару носков. Всё.

Что еще. Думай. Эти вещи помогут тебе остаться в живых.

Чехол для стекла кабины положится на нижней ветке дерева. Сверни его. Привяжи к сумке. Аптечка первой помощи — приютилась за гнилым пнем. Пластиковый корпус треснул, но содержимое уцелело: йод, протирочный спирт, бинты, ножницы, обезболивающие, антигистамины, пинцет, шовный набор, стерильный пластырь.

Взгляд упирается в кабину. Телефон. *Надо туда вернуться.* Там есть пища. Вода. Без них я не продержусь и пары дней. Из двигателя валит дым, черный и густой.

Войди. Войди. Войди.

Пластиковый пакет. Прямо там, где я его оставила вечность назад, затолкав за переднее пассажирское сиденье. Четыре энергетических батончика «Луна», пакет со смесью орехов, непечатая бутылка воды. Банка диетической колы. Чувствую мгновенное головокружение. Шарю рукой по полу, натываюсь на острые грани битого стекла. Вытаскиваю находку, гляжу на расколотую

лицевую сторону телефона. Пытаюсь включить его, но покрытый паутиной трещин экран остается черным. Сломался. Твою ж мать. Все равно беру с собой. Глаза слезятся от дыма. *Сосредоточься. Сосредоточься.* Заднее сиденье, шарю за ним. Флисовое одеяло, рулон клейкой ленты, моток веревки. Шарю дальше. Тонкий металлический корпус зажигалки. Всё в сумку. Свет тускнеет. Надо идти.

Прочь. Прочь. Прочь. Звериное подсознание подгоняет меня, но погодите. Каков план? *Остаться в живых.* Забираюсь на обломки самолета, лавируя среди бритвенно острых краев, игнорируя боль в плече, стараясь не глядеть на содранное до кости лицо человека, к которому совсем недавно прикасалась. *Смотри.* Заснеженные горные пики вонзаются в величественно-спокойный простор синего неба. Внизу мягкими волнами расстилаются зеленые холмы, каждый окаймлен деревьями, пестреет пятнами луговых цветов. Обширные равнины тянутся бесконечно, до самой дальней точки на горизонте. Никаких признаков человека, разве что тропинка. Склон крутой, но относительно ровный и без неожиданных отвесных обрывов, испещряющих другие маршруты. Там, в изгибе долины, я вижу тонкую зеркальную полосу. Внизу есть вода. План. Тропинка — это план.

Прочь. Прочь. Прочь. Я спрыгиваю с обломков.

Вскидываю сумку на спину; кряхтя от боли, пристраиваю ручки на плечах, длинный ремень закрепляю на поясе. Двигатель наконец перестал шипеть, но дым все еще идет. Бросаю последний взгляд на поляну: битое стекло, куски расколотого пластика, груда отвергнутых мною вещей.

Ничего не осталось, нечего спасать.

Солнце садится. *Нужно идти.*

Мэгги

Утро было все еще раннее, темно-розовое небо за окном пока не побледнело до голубизны. Тихонько играло радио, кружка кофе медленно остывала на кухонной стойке, а Барни терся мне о лодыжки, выпрашивая добавку.

Половицы привычно поскрипывали под ногами. Я взглянула в рецепт, хотя особой нужды в этом не было. Я много лет пеку такой хлеб и давно выучила последовательность действий, но рецепт был записан четким, уверенным почерком Чарльза, и мне нравилось, приступая к делу, посматривать туда. Своего рода ритуал.

Я месила тесто, теплое и мягкое, складывала пополам и снова растягивала, чувствуя, как оно пружинит под ладонями. Конечно, возня с тестом усугубляла артрит, поселившийся в костяшках пальцев после многих лет клацанья по клавишам, однако я упорно пекла хлеб в начале каждой недели, хотя теперь в большинстве случаев кончалось тем, что он плесневел к пятнице.

Прозвенел дверной звонок. Да ну его. Если сейчас отвлекусь, ничего не получится, и, кроме того, на голове у меня птичье гнездо и я все еще в халате и смешных шлепках, которые Чарльз подарил мне шесть лет назад. Наверное, почтальон. Сунет под дверь записку, что мне пришла посылка, и уйдет.

Звонок прозвенел снова. Я вздохнула, обтерла руки куском бумажного полотенца и подумала: «Лишь бы не дурные вести».

Открыв дверь и увидев Джима в полном облачении начальника полиции, я поначалу подумала, что он

пришел за формой для запекания. Линда на днях приносила лазанью, и форма осталась у меня, а ведь Линда всегда орлиным взором приглядывает за своей посудой. Но мне хватило одного взгляда на Джима и нервную худую девчушку в наглухо застегнутой накрахмаленной синей форме, как я поняла: посуда тут ни при чем.

— Не возражаешь, если я войду? — спросил он, сняв форменную шляпу и прижав ее к груди. Мы с Джимом Куинном знали друг друга со школы; он тогда имел обыкновение щелкать меня по затылку огрызком карандаша и клянчить подсказки по истории Америки. Не помню, чтобы он хоть раз спрашивал разрешения войти. И внезапно перед глазами остались только его униформа и сияющий, начищенный значок.

— Джим, что случилось? — как-то слишком громко произнесла я.

— А давай сначала присядем. — Теперь он уже не спрашивал, а попросту провел меня в мой же дом. Девочка-коп последовала за нами.

— Сотрудник полиции Дрейпер, — представил ее Джим.

— Просто Шеннон, — произнесла она так тихо, что я едва расслышала.

— Очень приятно. — Я повернулась к Джиму: — Теперь выкладывай, в чем дело.

Он взял меня за локоть и подвел к обеденному столу.

— Сядь. — Говорил Джим мягко, однако сначала втиснул меня в стул и только потом занял место напротив. — Мэгги, произошел несчастный случай.

Сердце у меня упало.

— С Линдой? Она жива? — Но, уже спросив, я знала: речь не о его жене.

Он вздохнул.

— У Линды все отлично.

И тогда я поняла. Просто поняла. В глубине души все родители знают, что рано или поздно это случится. В один прекрасный день раздастся телефонный звонок или стук в дверь, и в этот самый момент их мир перестанет существовать.

— Элли, — сказала я.

Он кивнул и посмотрел на меня водянисто-голубыми глазами:

— Самолет разбился.

И мой мир исчез.

Элисон

Вес сумки подгоняет меня вниз с горы, тусклый свет луны ведет сквозь деревья. Ветви хлещут по рукам и ногам. С размаху падаю, ушибаюсь. Вскрикиваю, но поднимаюсь на ноги и двигаюсь дальше. Кровь стучит в ушах. Я бегу всю ночь. Не позволяю себе оглядываться назад. Не позволяю себе остановиться.

К рассвету добираюсь до водоема. Сажусь на корточки у воды, глажу ее кончиками пальцев. Прохлада как электрический разряд. Плещу себе в лицо. Вода, капающая с предплечий, светло-розового цвета. Кровь. Жажда охватывает меня, точно лихорадка. Так просто: поднести ко рту сложенные чашечкой ладони и напиться.

Нет. Водой можно отравиться. Я выжила в авиакатастрофе не для того, чтобы умереть от дизентерии. Наполняю две пустые бутылки, добавляю в каждую по капле йода. Жду. *Есть масса способов умереть.*

Разглядываю собственное тело. Боль эхом отдается во мне, но как-то отдаленно, слабо.

Я могу подцепить заразу, могу истечь кровью. Могу умереть. Есть масса способов умереть.

Останься в живых.

Снимаю леггинсы. Рана на левой ноге глубокая, скверная, с рваными краями. Вытаскиваю из сумки рубашку, отрываю от нее полоску, окунаю в бутылочку со спиртом. Вдавливаю тряпку в рану; боль раскалывает меня пополам. Когда я снова могу видеть, дышу сбивчиво. В ране виднеется белая полоска: кость.

Дыши.

Его череп, белизна его черепа. Я видела череп, потому что лицо исчезло.

Мир, качнувшись, накреняется, и я изо всех сил стараюсь не потерять сознание.

Стоп. Дыши. Сосредоточься.

Стягиваю края кожи, скрепляю их пластырем-бабочкой.

Останется уродливый шрам.

Бедная хорошенькая малышка Элисон.

Снова натягиваю леггинсы.

Меня лихорадит, покальывающий жар ползет по позвоночнику. Адреналин струится сквозь тело, затем уходит.

Я убираю с шеи волосы и только тогда замечаю, что он исчез. Медальон. Рука замирает на горле. Чувствую, как колотится сердце, едва не разрывая грудь.

Желудок сжимается. Как я могла его потерять? Это все, что у меня было, единственное, что стоило беречь как зеницу ока, и вот теперь его нет.

Запрещаю себе думать об этом. Какой смысл теперь дергаться: ничего не поделаешь. Что случилось, то случилось.

Сверяюсь с часиками: тонкой золотой полоской, усыпанной бриллиантами, вот ведь абсурд; вижу, что придется подождать еще пять минут. Отец внушал мне, что для очистки воды йодом требуется не менее получаса. Он любил учить меня таким вещам, практичным вещам, даже когда я закатывала глаза и ныла, что это бессмысленно, что мне это никогда в жизни не пригодится. Донылась на свою голову.

Я думаю о батончиках «Луна», о пакете орехов. Живот крутит. Надо бы поесть, но перед глазами маячит пустота на том месте, где должно быть его лицо. Закрываю глаза и дышу.

Открываю глаза: прошло шесть минут. Вода безопасна. Быстро выпиваю обе бутылки — слишком быстро. Мучительно пытаюсь удержать воду в желудке, и удерживаю. Вода идеальная, холодная, с металлическим привкусом. Вновь наполняю бутылки. По капле йода. В сумку.

Шевелись-шевелись-шевелись.

Встаю, подхватываю пакет. В плече что-то с хрустом смещается. Может быть, микротрещина или просто растяжение. С большим трудом удерживаюсь, чтобы не заплакать.

Сейчас некогда думать об этом.

Прыгаю с камня на камень. Каждый шаг вызывает боль. Как лучше: отталкиваться раненой ногой или приземляться на нее? Решаю, что лучше приземляться. Добираюсь до обрыва. Просторные скалистые равнины и венчающие их горы, а над ними поднимается солнце, заливающее розоватым светом уходящие в небо вершины.

Не знаю, сколько пройдет времени, прежде чем они начнут искать меня, но знаю, что в конце концов начнут, а значит, надо идти дальше.

Надо идти на восток, в рассветное солнце. Надо покорить гору.

Мэгги

— Мэгги. Мэгги.

Голос пробился сквозь рев в ушах. Перед глазами было белое поле, но края размывались, темнели, обретали знакомые очертания.

— Мэгги.

Голос Джима.

— Мэгги, она была в четырехместном самолете, летели из Чикаго. Надо думать, упали где-то в Колорадо, в Скалистых горах.

— Ты хочешь сказать, что моя дочь погибла? — Мой голос не принадлежал мне. Говорил кто-то другой, в другой реальности, которая тоже была чужой.

— Пока неизвестно, — покачал он головой. — До места крушения добраться не удалось, и подтверждений нет, но, судя по сигналам аварийного радиомаяка, прежде чем он отрубился...

Совсем другое дело. Она до сих пор может быть жива. Надежда подсолнухом расцвела у меня в груди.

— Откуда ты знаешь, что она вообще летела в том самолете?

Может, никакой опасности и не было. Может, Элли дома, в целостности и сохранности.

— Ее имя указано в авиационном реестре: ее и человека, который управлял самолетом. Я видел записи в аэропорту, фото зарегистрировано в системе... это она.

— Ладно. Хорошо. — Мозги начали набирать обороты. Моя дочь пропала в горах. Испуганная, одинокая, возможно раненная. Но не мертвая. — Как мне